

7

Пономарева
Валентина
Степановна
Бражек. — 1997.
№ 4. — с. 7.

С этой артисткой я знаком уже много лет. И все эти годы она постоянно менялась. Менялась резко, решительно. Сначала пела традиционный джаз. Потом джаз бо- лее современный, экспериментальный, «космическо-лунный». Затем увлеклась современной серьезной музыкой, работала вместе с Софьей Губайдуллиной, Альфредом Шнитке. В последние годы вернулась к «корням» — к романсу, цыганской песне. Но никогда не пела «просто так» — всегда была артисткой, постоянно театрализовала свои выступления... Не пела, а «играла песню», как принято называть этот процесс у деревенских пень- ний. Хотя ее сценические образы часто чередо- вались, она могла быть нежной, проникновенно- лирической, а могла — вихревой, стремительной, агрессивной и хищной... После ее концертов у меня не раз возникало чувство, что я только что имел дело с колдуньей, музыкальной ворожеей, шаманкой, заклинательницей, которой подвласт- ны силы стихии — дожди, бури, молнии, которая знает языки зверей и птиц... В авангардных про- граммах Валентина всегда — в черном, когда поет романсы — одета в платья светлых тонов, в цыган- ских вечерах — «павлин»: в глазах рябит от яркой цветовой гаммы. Все это для Пономаревой тоже имеет немалое значение — внешность идет от му- зыки, от ее глубинных смыслов и значений...

Валентина — дальневосточница. Но как она оказалась в Хабаровске? Хотя догадаться вроде бы просто — цыганская семья, постоянные переезды. Папа маму в свое время традиционно «умыкнул» еще в России, в Курске, когда ей было всего сем- надцать лет... В общем, жизнь на чемаданах, коче- вали из города в город, пока семью не занесло на Дальний Восток. И тут мать, наконец, взмолилась: все, стоп, хватит! Да и дочку с сыном учить пора — а тут, в Хабаровске, как раз был институт ис- кусств...

Значит, цыганка из Хабаровска.

Тогда уже широко бытовал такой термин — смурь. Вроде как — благородное чудачество. Валентина под него полностью подходила. Была «больна» джазом, хотя все ее окружение было против. Папа и мама — выпускники консерватории, то-есть дома царил только классическая музыка и, слыша джаз, родители откровенно кривились. К тому времени Валя уже закончила (как вокалистка и пианистка) институт искусств и работала в местном драматическом теат- ре, играла роль Машеньки в «Живом труп» Толсто- го. Выступала и в местных филармониях — Якутской, в Совгавани, в Комсомольске-на-Амуре. Работала, между прочим, с вполне осознанной целью — зара- ботать деньги на поездку в Таллин, где весной 1967 года должен был состояться первый в Советском Союзе настоящий международный джаз-фестиваль — с участием поляков, шведов, финнов и даже аме- риканцев (квартет Чарльза Ллойда). Заработала. Хватило и на дорогу (впрочем, только на поезд — пришлось трястись восемь дней в плацкартном ва- гоне) и на билеты на концерты. В Таллине жила в общежитии для умственно отсталых детей. Но это не имело значения — главное, что крыша над го- ловой была...

Попробовала и сама выступить на фестивале: уда- лось всего один раз — на финальном джем-сешене на резиновом заводе. Там играли польский саксофо- нист Намысловский, шведы — и все отечественные звезды, в том числе трубач Герман Лукьянов, кото- рый успел к этому времени побывать на Дальнем Востоке и Пономареву знал. Так что в море неизвес- ных лиц хоть одно было знакомым. Именно он ска-

зал Валентине (почти приказал): «Ступай на сцену и пой!» Спела что-то блюзовое...

После фестиваля в Хабаровск уже не вернулась. Поехала в Тулу, где работал тогда лучший совет- ский джаз-оркестр 60-х годов — биг-бэнд Анато- лия Кролла. На самом фестивале к Кроллу подо- йти не посмела — лицемерла издали. В Туле же встретились, дирижер Пономареву послушал и взял в свой оркестр. Проработала у него солист- кой четыре года.

Конец 60-х годов — один из «пиков» Пономаре- вой: она твердо входила в число ведущих отечествен- ных джазменов. И вдруг — совершенно неожиданно для всех — иное амплуа и театр «Ромэн»... Да вдоба- вок еще и участие в составе вокального трио — тоже «Ромэн». Почему? Скорей всего сработала менталь- ность провинциальной девушки: в Москву, в Моск- ву! Правда, сначала была работа в Ленинградском мюзик-холле. Но это было совсем не то. А в Москву было два пути: либо в «Ромэн», либо дворником, ули- цы мести. Вообще-то Пономарева на дворничиху была тоже согласна, но на такую работу не взяли бы без прописки. Значит — «Ромэн». Тем более, что отец всгда с гордостью повторять — ты же у меня — По- номарева! (это имя в цыганской среде хорошо извест- но)... Отец у Валентины — классический цыган. Он из Курской области — из цыганской этнической группы сэрво — русских цыган... Есть ведь и другие, например — ловары (венгерские цыгане), татарские цыгане и т.д... Ловары, например — цыганская ари- стократия, квартиры у многих — как музеи. Богачи. А сэрво — артисты, музыканты — естественно, по- беднее.

Верит ли Валентина в жизненное предназначе- ние, в судьбу? В то, что судьбу можно предсказать? Верит. У каждого своя судьба, своя линия жизни, которую можно увидеть и в карточном раскладе и по линиям на руке. Помните, говорит певица, что было предсказано Пушкину? Или вот — умерше- му недавно питерскому пианисту и композитору

Сергею Курехину (Боже мой, сколько раз Поно- марева вместе с ним выступала в России и за рубе- жом!) цыганка когда-то нагадала, что он проживет сорок два года? Как Высоцкий и Олег Даль? Увы, ровно столько оно и вышло...

Романсы, которые Валентина поет сейчас с та- ким успехом, она долго воспринимала как мешан- скую лирику, как что-то сладкое и сентименталь- ное. Действительно, вокруг нее громыхали такие громы и молнии высочайшего вольтажа, что каза- лось: какие там романсы, когда существует музы- ка такого напряжения, как джаз! То-есть, в юно- сти Пономарева жила в постоянном окружении звуков романса. Но саму Валентину романс долго не затрагивал. Может быть, потому, что в нем есть одно специфическое свойство — эта музыка обра- щенная в первую очередь к к женщинам. Аудито- рия, как правило, женская. И приходит на концерт с солидным запасом как бы уже непротитых (за прошлое) слез. Причем происходит такое именно в России: за рубежом ничего подобного я нет. В лучшем случае там оценят красивую мелодию. Но сопереживаний такой силы и глубины, как в здесь, в России — не бывает... У нас же же могут толпой примчаться за кулисы и рыдать у певицы на груди.

Начинала Пономарева как театральная актри- са. Став москвичкой, много работает в кино. Два- дцать три фильма, включая «Агонию» Климова, «Чучело» Ролана Быкова, «Кошку, которая гуляла сама по себе» Гараниной, «Пейзаж в можжевель- нике» Хржановского (с музыкой Шнитке), четыре ленты с музыкой Софьи Губайдуллиной... Настоя- щая популярность пришла с фильмом Эльдара Рязанова «Жестокий романс».

Любопытно вышло у певицы и с музыкой Со- фьи Губайдуллиной. Это композитор остро-совре- менного, авангардного стиля. Был такой фильм «Балаган» (по Гарсия Лорке). Озвучивали его Ро- лан Быков (пел первый раз в жизни!) и Пономаре- ва. Соня сначала дала артистке ноты (сложнейший клавир!). Но на репетиции Губайдулина поняла, что ноты здесь не нужны — и дала певице полный карт-бланш на вольную импровизацию. У них было потом еще несколько фильмов, где Валенти- на импровизировала в заданных композитором рамках.

Ну, а что касается романса... Повторяю: тут, быть может, сыграла роль семейная традиция: бабки, тет- ки, сестры — все были знаменитыми романсистка- ми. Так что эта музыка много лет была на слуху... Но не в сердце. А ведь романс — история женской души вообще. Той, которая нашла свое отражение в рус- ской литературе, на полотнах знаменитых художни- ков. Кроме того, романс всегда привлекателен тем, что он асоциален. Это остров любви, где живут двое...

«...Когда я выхожу в зал, то вижу, как правило, напряженные, усталые лица. Это люди, только что пришедшие ОТТУДА, извне, из другого, недоброго мира. Я же постепенно начинаю их расслаблять, уводи- ть в иной мир. И происходит что-то вроде музы- кальной терапии. Минут через 20-30 лица смягчают- ся: ОТПУСТИЛО! Напряжение уходит. Я вижу улыб- ки. Люди преобразились, стали другими. Они даже начинают петь вместе со мной. Иногда выходят на сцену — мы общаемся. И я получаю от них заряд ко- лоссальной силы. То-есть, явно получаю от них не меньше, чем сама им даю. Разве это не потрясающий опыт? Ведь я пою для таких же людей, как и я сама. В жизни у меня мало подруг. Да и личная жизнь сло- жилась не сразу. Так что сцена для меня все: и рабо- та, и отдых, И часто — общение. Я выхожу на эстра- ду и как бы рассказываю своим подругам по несча- стью, как все это было у меня...»